

1

Сердечно благодарю город Брюгге, благодарю Международный Союз моего Пакта за медаль. Мне драгоценно, сознавать что медаль выбита во имя мира всего мира. Без этого желанного мира в конце концов эволюция человечества станет невозможной. Мне драгоценно, что медаль выбита в Бельгии и дана в Брюгге, с которыми у меня связаны глубокие воспоминания. Город ван-Эйков и Мемлинга всегда был притягателен мне. Да и где же другой город в Европе, где бы сохранился весь живой уклад старины в такой неприкосновенности? Эта неприкосновенность Прекрасного, именно, так нужна при мыслях об охране сокровищ человеческого гения. Само Провидение судило, что бы именно Брюгге стал постоянным местопребыванием нашего мирного союза. Освящение знамени нашего не случайно должно было произойти в соборе Св. Крови, во имя всей Мученической Крови пролитой за Прекрасную Истину. Где об'единяется столько высоких символов, там возникает истинная твердыня.

Помню, как в молодости первое поминание о Брюгге ^{мне} пришло от Виллие де-Лиль-Адан, звавшего скорей посетить Брюгге, до реставрации. Мы никогда не забудем посещения Брюгге. И Колокола, которых нигде не услышишь; картины, как бы на местах их творения; улицы, хранящие следы великих послов прекрасного; стук деревянных сабо по камням мостовой; наконец столетняя кружевница, манящая в каморку, чтобы показать свое рукоделие. Сколько чудесного и в великом и в малом! И когда писалась опера "Принцесса Малэн" то именно карилльон Брюггских колоколов лег в основу вступительной темы. Посвящена была эта музыка мне как выразителю образов Метерлинка и обожателю старого Брюгге. Ведь во имя Бельгии, во имя Брюгге я заклинал войну первого Марта 1914 года картиною моею "Зарево". Сейчас облики Малэн и Брюгге в моих картинах живут в шести странах. В Риксмузеуме Стокгольма, в Атэнеуме Гельсингфорса, в Москве, в Киеве, в Париже, в Польше, в Нью Йоркском нашем Музее, в Бостоне, в Чикаго и в далекой Небраске, в Омахе, "Башня Принцессы Малэн." Перечисляю, что помню, с дво-

яков целью. Первое, комитет наш должен знать, где посланники мои о Бельгии, о Брюгге, о Принцессе Мален, о Сестре Беатрисе. И сам я, вспоминая их, тку новую сердечную связь с Брюгге, с драгоценною Каплей Крови, творящей и оживляющей. Второе, каждый перечень многих стран нам напоминает о нашей ближайшей обязанности в отношении Знамени Мира.

Не только признать и обобщиться мыслью Знамени Мира должны мы. Мы ведь освятили Знамя на Святой Крови и тем поклялись вводить его в жизнь повсеместно, всеми силами. Ведь, не тщетно будут искать Знамя Мира над хранилищами истинных сокровищ все те, которые во всех концах мира поверили нам и наполнили пространство сердечными желаниями. Каждый день приходят новые письма, новые отзывы. Избирательная урна "За Мира" наполняется ценными знаками.

А ведь мир и культура сейчас так особенно нужны. Все, что мы все делаем и есть служение Culture, человечеству и, тем самым, миру всего Мира. Поучительно видеть какие, именно, новые и неожиданные элементы вовлекаются этими манифестациями в орбиту мышления о Culture. По истине, многие, из вновь заговоривших о Culture без импульса деятельности нашей, и не заговорили бы о великом начале, не нашли бы времени помыслить о нем, заваленные массой обиходных дел и житейских соображений. Пусть даже не надолго некоторые из них обратят мысли свои к Culture, но все же, хотя бы временно, они помыслят о ней и тем приобщатся к сообществу строителей жизни. Драгоценно, что действия о Знамени Мира, о Culture не только не застывают, но приносят самые новые и неожиданные следствия. Дело Знамени Мира настолько разрастается, что всякое злобное противоречие с каждым месяцем становится все более неуместным все легче отвергаемым.

В каждой правильной деятельности всегда приходит такой момент ее развития, когда она до известной степени становится, как бы самостоятельной, уже вне человеческих рамок и возможностей. Будем надеяться, что наш проект обновленной Культурной и мировой работы уже приходит в то состояние, когда жизненность его становится очевидной. Всем друзьям нашим в такой фазе развития проекта

работа будет становиться легче и приятнее, ибо явится возможность постоянного и благотворного посева, не затрачивая ценных сил на ненужные трения. Во имя этой устремленной и благой работы можем, по истине, приветствовать друг друга.

Пусть Знамя мира, может быть, еще не развѣвается над всеми хранилищами творчества. Иду дальше, пусть оно временно пребудет внутри этих Учреждений; физическое его место не так уж сейчас безусловно важно, чтобы росло и укреплялось его духовное значение. А для укрепления этого духовного значения и понимания каждый может действовать посильно в своей сфере. Мы опять приходим к идеѣ бесконечной цепи, когда каждый приобщившийся к благой идее берет на себя приобщить к ней хотя бы семерых друзей своих и таким образом это моление о Культуре и Мире, в быстро нарастающей прогрессии, безудержно входит в жизнь.

Нужно не столько еще один закон, сколько еще одно повелительное желание, одна народная воля всемирно охранить светочи человечества.

Таким образом перед нами сейчас ближайшая двойная задача. С одной стороны насаждая всюду Знамя Мира мы будем, способствуя миру, вообще уменьшать само физическое поле войны. С другой стороны, вводя в школах день Культуры, мы, также внушая задачи мирного строительства, будем возвышать и утончать сознание молодых поколений, утверждая его высокими примерами человеческого творчества.

Для дела полезного миру и Культуре вовсе не надо ждать всемирного признания. Начало общего Блага и Красоты творится во всяком размере, сохраняя свой животворный потенциал.

Прилагаю мое ³воззвание, которое по постановлению нашего Комитета в Нью - Йорке будет 27 сего Декабря прочтено во всех храмах. Не сомневаюсь, что Собор Св. Крови и другие славные храмы Бельгии присоединятся к этому благому желанию нашего Комитета.

Истинно хотелось бы признательно сердечно напутствовать всех наших сотрудников:

"Надний посильно в своих возможностях без промедлений и откладываний, в добрый путь!"

Еще раз сердечно благодарю героическую Бельгию, и славный город Брюгге за высококультурное выступление на Благо Человечества.

Гималаи

Декабрь 1931.

Николай Рерих.